

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 20

15 февраля 1944 года

№ 20

содержание:

Памяти погибших — П. Донсков

★

Змеи меняют кожу — Н. Пугачев

★

Исторические очерки Дона — П. Краснов

★

Как розыскать своих родных?

★

Находчивость и мужество — И. Махин

★

Томско-Енисейская трагедия — П. Харламов

★

Иностранный легион — В. Валов

★

Таис (повесть) — Т. Левшина

★

Ранение Пятикова — В. Никонов

★

Стихи Скубани, Келина, Гончарова, Кабанова

Отличившегося в боях на восточном фронте донского офицера немецкий генерал награждает орденом за храбрость.

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

Памяти погибших

Царствует сила под маской свободы
Кровь заливает диктаторский трон,
Голод, нужда, беспросветные годы,
Стонет отчизна и поправный Дон.

Выглядит Божий весь мир по-иному,
Мысль притупилась и дума слепая,
И запустела к всему дорогому,
Скрыта в обломках бывшего тропа.

Вот она та же донская равнина,
Комья землицы в родной борозде.
Смотрит, как мать, потерявшая сына.
Пусто и чуждо, и немо везде.

Смокли на долго просторы усталые,
Дон еле плещет неслышной волной,
Не отзываются песни бывалые,
Мира не дал нам и дом наш родной.

Также тиха ты, степная равнина,
Той же красю наш взор привлекла,
Та же, все та ты, родная картина,
Только без ласки, привета, тепла.

Будто заснула в тиши ты безбрежной,
Умерли звуки, движенья, порыв,
Стихли в груди твоей страсти мятежные,
Громы и бури, надолго застыв.

Полночь вздохнет ветерком легкокрылым,
Небо откроет просторы свои.
И, понесется к холодным светилам
Грусть и тоска полоненной земли.

Утро оденется в саван лучистый,
День обернется в наряд золотой,
Но не бродить нам тропинкой росистой,
Песни не петь над родимой рекой.

Мошь огневые года истощила,
Сила сгорела в сраженьях дотла.
Вольности кровью поля задымили.
Смяты, надорваны крылья орла.

Рдеют кремлевские звезды коммуны
Смерть приближает последний наш час,
Песня пропета, оборваны струны,
Жизнь не подарит улыбкою нас.

Страшно поверженным жить настоящим,
Жутким, жестоким, безмерно большим,
Связанным плавать в потоке бурлящем,
Мыслью витать же высоко над ним.

Наших надежд на былое остатки
Мир оборвал, занграв в СССР,
Кто опрокинут неравенством схватки,
Молча броди, как затравленный зверь.

Кажется шепчет нам разум холодный
«Труд ваш из многих сует суета.
Что для безвременья гимн ваш свободный
Не окрыленная жизнью мечта.

Тщетно всей вашей великой любовью
Вы устремляетесь к цели святой.
Язвы отчизны не смоются кровью,
Связанной и безнадежно больной.

И опускаются сильные руки
Перед решением судьбы роковой,
И замирают призывные звуки,
Смертная мука владеет душой.

Страшен отверженным гимн ликования
В праздничном блеске победных огней,
Отзвук суровый на стоны страдания,
И перезвоны кандалных цепей.

Прочь искушающий мир колебания,
Не облегчить безучастием стон.
Нет, не молчать нам на зовы страдания:
«Жизнь за свободу твою, Тихий Дон».

Нам пересилившим пытки сомнения,
Нет, не пристанет одежда раба.
Горе поверженным, нет им забвенья,
Каждый наш шаг есть борьба и борьба.

Пусть наше имя наш внук не услышит.
В клычке «наймит» нет позора для нас,
Время придет — ветер песнь заколышет,
Дали о нас поведут свой рассказ.

Много, ты вольница Дона шумела,
Знают далеко твой буйный размах,
Падает, с жизнью прощается тело,
Но не уступит последний свой шаг.

Лишь для отчизны душа их открыта,
Вера их — вольно струящийся Дон.
Лживою, вражеской кличкой «наймита»
Подвиг сверхмужества незаклеймен.

Сбросить над волей казацкой глумленью
Рвать над отчизной чужой произвол
Ковь да клинок в их великом стремленьи,
Сила, да славы былой ореол.

Вот они капли, где сила живая
И сохранит в тайниках ее Дон,
С ними подыметесь сила былая,
С ними он связан, но не укрошен.

Время развеяло до основания
Насыпь безвестных могильных холмов.
Но бессмертило ваши дерзання
Дон не забыл своих верных сынов.

Ваша бессмертная сила примера
Стала, как памятник славы и мук,
Вашу победную славу и веру
Гордо поднял на знамена ваш внук.

П. Донсков (Лт. К.)

Литературный конкурс

В этом номере редакция продолжает опубликование произведений казанов-участников организованного ею конкурса, с обозначением рядом с фамилией или псевдонимом авторов: «Лит. К.» Результаты конкурса будут объявлены в одном из ближайших номеров нашего журнала.

Змеи меняют кожу

«Змеи меняют кожу

— и остаются змеями».

(Из изречений иудейских мудрецов)

Змеи меняют кожу — и остаются змеями. Жидовско-большевистская власть в красной Москве также меняет свою кожу — свои программы и лозунги, методы партийной работы, способы достижения намеченных целей — но остается все той же жидовско-коммунистической антинациональной бандой.

Тысячи лет прошло с тех пор, как иудеи рассеялись по всему миру, но ни один народ в своем собственном государстве не сплочен так, как сплочены все жидаы в своем мировом рассеянии.

Тысячи лет борются они за свою власть над народами мира, над презренными «гоями», которые должны стать рабами иудейского избранного племени.

В течение долгих веков готовили они свое победное шествие на пути к обладанию всем миром. Огромной, невидимой паутиной оплели они весь мир. И невидимые нити этой дьявольской паутины крепче стальных канатов.

Прячась за ширмами грязных политических кулис, скрываясь в тени распатываемых ими же тронов — они невидимо управляли государствами. Они играли коронами и головами венценосцев, становившихся на их пути.

Вековой работой они захватили в свои руки все нити политического, финансового и военного управления почти во всех государствах мира.

И вот уже миновала для них надобность скрываться и оставаться в тени. Уже не их люди, а они сами правят христианскими государствами. Уже долгие годы гордой Англией правят не английские короли и не английский парламент, а всемогущие еврейские министры. Леон Блюм привел к развалу цветущую Францию. Свободолюбивой некогда и гордившейся этим Америкой управляет фактически еврейский «трест мозгов». Самая могущественная и богатая держава в Европе — Россия, превращенная в страну вольных и невольных жидовских рабов — полностью находится в их цепких руках. И пользуясь ею, как могучим стратегическим плацдармом, иудейство повело свое решительное наступление. Русский народ стал для них пушечным мясом для завоевания Европы, а затем и всего мира. Почти четверть века длилась тщательная подготовка этого последнего наступления.

Когда же, по расчетам иудейского командования, была закончена политическая и военная подготовка и когда действительно столкнулись многомиллионное русское пушечное мясо под водительством жидовских ставленников и народы Европы под водительством Вождя понявшего и предупредившего планы мирового иудейства, вдруг почувствовали жидаы в смертельном ужасе, что колеблется почва под их ногами, что рушится их власть над русским народом, а вместе с нею могут рухнуть и все их планы о мировом владычестве, веками, тысячелетиями готовившиеся.

И со зменной хитростью, выработанной тысячелетиями, с безпредельной наглостью и цинизмом, какие могут быть только у жидаов, они сбрасывают — меняют свою кожу в самый разгар борьбы. Им нужно новым обманом привлечь на свою сторону русский народ, нужно одурачить его в последний раз, как обманывали и дурачили его на протяжении долгих лет. Им нужно, чтобы миллионы и миллионы их рабов своей грудью, своей кровью спасли их сатанинскую власть.

По повелению и под надзором жидовской головки понесли, загремели по всей необъятной, несчастной советской земле приказы и воззвания, подписанные верным слугой иудейства — Джугашвили-Сталиным, о защите священной родины, о русском патриотизме.

Вспомнили и о казаках. О доблести и силе казачьей, с которой защищали когда то казаки границы Царства Российского. Только забыли уже старые казаки песни — и слагают теперь Кацы новые казачьи песни, Либерманы на спех кладут их на музыку, а наемные русские ансамбли песни и пляски поют под управлением проклятых жидовских выродков о доблести, славе и верности казачьей, острых шапках казачьих, о развевающихся красных башлыках, о казачках благословляющих своих мужей, братьев и сыновей на Священную войну!

Хитры и лукавы жидаы, как змеи, как отродья сатаны. Но не обмануть им казачество.

Старые, престарые, особые счеты казачества с жидовским племенем. Еще с той поры, когда в Запорожской Сечи держали жидаы православные церкви на откуп от басурман-ляхов. Когда глумились над лыцарским казачеством выгоняя священников и закрывая святые церкви, если во время казаки не могли наполнить жидовские, бездонные кошельки откупным золотом. Когда скупали от беспечного казака за безценок всю его военную добычу, когда разоряли казака, отнимая от него последнюю землю и хату за невыплаченную непосильную аренду, когда опаивали загулявшего в жидовском шинке вольного казака и сдирали с него и широкие синие шаровары и червонную свитку за чарку дурманного жидовского зелья. Когда бесчисленные шпионы-жидаы предавали за горсть золота казачков и ляхам и татарам и туркам.

Не забыли и жидаы того, как выведенные из себя казаки, когда уже переполнялось их терпение, громили откупщиков церквей и пейсатых шинкарей, как вешали их среди Сечи на позорных виселицах, как вырезывали кресты на жидовских лбах.

И после российской революции 917 года, когда потомки тех же жидаов, которые когда то, как клещи, сосали казачество, захватили в свои руки власть над обманутым ими подло русским народом, когда Лейба Бронштейн-Троцкий стал главнокомандующим русской армией, когда бывший прокравшийся провизор Финкельштейн-Валлах-Литвинов стал управлять русской политикой, а Апфельбаумы, Свердловы, Нахамкесы стали неограниченными властителями в России — не поверило казачество их ложным лозунгам, не пошло у них на поводу, а поднялось и с дедовским оружием в руках защищало свои станицы, веру свою и честь казачью от жидовских насильников, от большевистских полчищ под командой жидовских комиссаров и политрукков.

И после слома белого движения и полной победы жидовского большевизма над целой Россией, не покорялось казачество, уходило в леса и горы, вспыхивали повсюду казачьи восстания, летели головы жидовских наемников.

Тяжело поплатилось за это казачество!

Страшна была месть жидовских палачей. Горели станицы, расстреливались казаки — и старики и жены, и дети казачьи, погибали в подвалах Чеки в неслыханных мучениях, умирали от голода и побоев в сибирских концлагерях. Непогребенные, валялись трупы казачьи, рас-

сеянные по всему необъятному простору советских жидовских республик. Собаки глотали их трупы, вороны выклевали гордые очи. И заросли бурьяном сгарившие богатых, вольных казачьих станиц.

Нет страшнее и непримиримее врагов, кровных врагов — чем жидовство и казачество. Но хотят жида в своей последней борьбе против христианства, против народов всего мира еще раз, в последний раз обмануть казачество. Выворачивают-меняют они свою изменчивую кожу, прячут свое ядовитое жало и сладкими голосами поют песни казачьи, призывают казаков класть свои головы за защиту Родины.

Но не обмануть казачество бритым Янкелям — потомкам пейсатых Янкелей, что гнездились как клопы в Запорожской Сечи. Знает казачество, что не за защиту Родины идет борьба, а за всемирную жидовскую власть над свободными народами. Знают казаки где гниют трупы их отцов, жен, братьев. Знают и кто их и по чьему дьявольскому наказу убивал.

Змеи сбрасывают свою кожу не для того, чтобы превратиться в безобидных червей, а чтобы в новой эластичной коже легче им было преследовать и пожирать свои жертвы.

Так и жидовский большевизм меняет свою кожу не потому, что отрекается он от своих убеждений и целей, а чтобы в тяжелой и опасной борьбе легче было ему выскользнуть, легче было обвить, задушить освобождающийся народ.

Но знают казаки, что если бы победил жидовский большевизм, не забудут жида казакам их вековую борьбу и в последний раз и до последнего грудного ребенка будет истреблено казачество.

И идет последняя, страшная борьба, в которой казачеству есть только один, тяжелый и суровый, но зато единственный путь — путь к победе!

Николай Пугачев (Лт. К.)

Родная земля

Терпко-пряная горечь полыни,
Под лунной серебряной ковчег,
Ярко-красные гроздья калины —
Это наша родная земля!
Легконогие, рыжие кони,
Золотистой пшеницы поля
И рыбацкие богатые тони —
Это наша родная земля!
Молоко зацветающих вишен
И в ливах густых тополей;
Соловьиное цоканье слышать —
Это наша родная земля!
И с похода вернувшись казаки
Коней резвых в Дону напой;
Пред собором снимают папахи —
Это наша родная земля!
А в родимой, покинутой хате,
Песнь сынов услышав издаля,
Дед с кряхтением слезает с полатей —
Это наша родная земля!

И казачка, дрожа и волнуясь
Казачку расседлает коня
И забудет всю жизнь в поцелуе —
Это наша родная земля!
Да, так было! И вновь возвратится
Жизнь казачья, счастья полна.
Зацветут вновь садами станицы
И надавим донского вина!
Соберутся Донцы с Атаманом —
Орденами увешена грудь,
Вспомнят службу с германским солдатом
Вспомнят тяжкий, но доблестный путь!
В битвах страшных с врагом небывалым,
Мы и в пешем и конном строю
Щедры полили кровушкой алой
Драгоценную землю свою!
И на радость грядущим потомкам,
Светлой памяти прошлых веков,
Честь казачью, всемирную, громку
Сохранили полки казаков! Андрей Ф.

Призыв

Словно смерч, срывая волны
Закружился фатум злой —
Ужас смерти крепом черным
Затянул наш Край родной.

Не волнуется уж нива,
Не тавт былой красы —
Степь черна и молчалива
В ожидании грозы.

И, как прежде, не несется
Трелью дивною по ней —
Лишь зарей восток зажжется —
Песня смуглых косарей...

Жизнь затихла. Тени-люди
С упованьем смотрят в даль —
Их надломленные груди
Истомила грусть-печаль...

Что-ж мы медлим? В бой смелее!
На коней и пашки вон!..
На Кубань скорей, скорее
Выручать детей и жен.

На Кубань! — Иль Рок жестокий
Край в пустыню превратит
И казачки черноокой
Глаз кубанца не узрит.

Поскорей в страну родную!
К берегам родной реки!
Соберемся в рать лихую —
В батальоны и полки...

Приготовьтесь, братья, к бою.
Ногу — в стремя! Час не ждет...
И над родной прекрасной
Солнце яркое взойдет.

Скубани

Исторические очерки Дона

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(Продолжение*)

XI

Казак Емельян Пугачев. — Дело атамана Степана Ефремова. — Приезд в Черкасск из Петербурга генерала Черепова для следствия на Яике и на Дону. — Избиение на Кругу генерала Черепова казаками. — Арест Ефремова. — Пугачев в Яицком войске.

Казак Зимовейской станицы Емельян Пугачев в молодые годы занимался с отцом хлебопашеством. 17-ти лет он женился и, прожив с женою одну неделю, отправился по наряду в поход для участия в Семилетней войне.

Грамотный, смысленный, разбитной, смелый и ловкий казак понравился полковому командиру, полковнику Денисову. Тот взял его к себе вестовым. Пугачев, ездя при полковнике, повидал много людей, о многом услышал и многому научился. Денисов был любитель лошадей и поручил их своему вестовому. Во время ночной тревоги Пугачев упустил одного коня и конь убежал к пруссакам. Денисов жестоко наказал своего вестового плетью. Мрачным огнем загорелись глаза чернобрового, смуглого казака, когда он встретился после наказания с полковым командиром. Затаил в сердце своем Пугачев злобу на полковника, на всех офицеров, на всю «старшину» казачью. Затаил, но смолчал.

Из Пруссии, из самого Берлина, в поля Молдавии, на турецкую войну — не малая путина. Сломал и этот поход Емельян Пугачев, посмотрел белый свет. Отличный стрелок, наездник, лихо владевший пикой, на вид тихий и покорный казак, Пугачев в Турции был выделен, произведен в урядники, а потом и в хорунжие. На войне он заболел чирьями, покрывшими его грудь и ноги, и был отправлен на поправку, на Дон.

В беспокойное время прибыл он домой. На Дону самовластно и своевольно «атаманил» Степан Ефремов. В 1762-м году был он в Петербурге с полками, принял участие в перевороте 29-го июня, когда Императрица Екатерина двинулась с войсками походом на Ораниенбаум, чтобы арестовать своего мужа Петра III и сесть на престол. Ефремов был за это отличен от государыни, пожалован саблей в серебряной оправе, стал лично известен Императрице.

На Дону окруженный льстецами и приспешниками атаман Степан Ефремов повел широкую разгульную жизнь, хотел сделать свое атаманство наследственным, передать пернач сыну, как то сделал его отец Данило. Он жил на Дону царьком, никого не признавая, не считаясь ни с законами, ни со старшинами, ни с Кругом.

Кое кому такое самовольство Ефремова нравилось. В нем видели возрождение независимости Дона от Москвы. Ефремов имел сторонников.

В 1771-м году наказной атаман Сидор Кирсанов и старшина Юдин донесли Военной Коллегии о злоупотреблениях войскового атамана. Ефремова обвиняли в расхищении войскового казны и провианта, во взяточничестве, в тайных сношениях с кабардинскими князьями, кумыкским князем Темром и с пограничными татарами.

Благоволившей Ефремову Императрице донос был неприятен. Она ограничилась посылкой на Яик, где тогда были безпорядки и на Дон из Петербурга генералов для присмотра за Ефремовым.

Это не понравилось Ефремову и он говорил окружающей его старшине:

— Когда правительство начало за мною присматривать — так я уберусь в горы и таких бед России натрашу, что она будет век помнить. Стоит только Жан-Мамбет-бею одно слово сказать, так ни одной души на Дону не останется.

О таких речах было донесено в Военную Коллегию. Ефремова потребовали в Петербург под предлогом переговоров о безопасности границ. Ефремов в Петербург не поехал. Было приказано привезти атамана силою и это было поручено генералу Черепову, только что круто и жестоко расправившемуся с Яицкими казаками.

По Дону пошло смятение. Казак Бесергеновской станицы Яков Яиченков писал атаману и старшинам: «За реку (Дон) стойте крепко. Генералу Черепову подписок не давайте, а то узнаете, что вам и генералу с вами будет. Это ведь не Яицкое, а Донское войско...»

Такие письма создали у Ефремова уверенность, что войско стоит за себя и за него атамана.

1-го октября 1772-го года в Черкасске собрался обычный, праздничный Круг. На Круг приехал генерал Черепов и передал грамоту. Войсковой дьяк прочитал на Кругу грамоту Военной Коллегии и указ об отзыве атамана Ефремова в Петербург.

Войсковой есаул Перфилов подошел к дьяку и сказал:

— А ну, покажи грамоту!

Взглянув на поданные ему бумаги, Перфилов громко объявил казакам:

— Грамоты подписаны генералами, а ручки Государыни нашей нет. Атаман наш пожалован по именному высочайшему указу, а теперь не велено от него никаких ордеров исполнять, а слушать Черепова. Как-же это, атаманы молодцы, так? По атаману стрелять грозят, как то было в Яицком войске.

Казаки стали кричать:

— По войсковому атаману стрелять не будем. Генерала Петербургского за командира почитать не желаем, потому что и наперед сего никогда не бывало, как ныне Черепов нами командует

— Большая нам от этого обида!

— Генерал хочет нас в регулярство писать и реку разделить.

Казаки стали толпою наседали на Черепова и продолжали все грознее кричать:

— В солдаты нас писать хочешь? А этого не видал?!

— Все помрем, а до того себя не допустим.

Черепов побежал к Дону, надеясь на лодке уйти под прикрытие пушек крепости св. Димитрия (Ростова). Но казаки схватили и избили его. Он хотел по старинному обычаю посадить его в куль и бросить в воду, но одумались и повели на расправу к атаману.

Ефремов с большой свитой вышел к толпе, ведшей Черепова и, принимая от нея «генерала», сказал ему с язвительной усмешкой:

— Это, ваше превосходительство, Войско Донское, а не Яицкое!

Насмеявшись над Череповым и отпустив его, Ефремов больше ничего не предпринимал. Он так был уверен в покровительстве Императрицы, ему отчасти обязанной престолом, что даже не писал покаянных писем и выражений покорности. Он не принимал мер и против Черепова.

Так прошло больше месяца.

В ночь на 9-е ноября в Черкасске раздался набат и выстрелы из «вестовых» пушек. Сбежавшиеся к Войсковой канцелярии казаки узнали от наказного атамана, что прибывшая из крепости св. Димитрия команда драгун арестовала Ефремова в его усадьбе «Зеленый двор» и увезла в крепость.

Возмущенные этим казаки кричали наказному атаману и старшинам:

— Всех вас перебить и в воду посадить! Эт-так-ки раз-зявы! Не уберегли атамана.

Старшина Василий Иловайский с тремя сотнями казаков поскакал к Кизитеринскому форпосту крепости св. Димитрия и требовал выдачи атамана.

— Глядите сами, — кричали казаки, — не выдадите, придем всем войском выручать атамана.

Несколько дней продолжались волнения, но, как только пришло известие, что Ефремов взят драгунами по именному высочайшему повелению, — волнения быстро улеглись.

Ефремова отправили в Петербург. Военный суд приговорил его к смертной казни через повешение.

14-го марта 1773 года смертная казнь Ефремову была заменена ссылкой в город Пернов. Позднее его перевезли в Таганрог, где за ним следили, чтобы он не имел сношений с донцами. Прощенный Императрицей Степан Ефремов умер в 1784-м году в Петербурге и погребен в Александро-Невской Лавре.

После Ефремова с 1772 по 1773 годы атаманом на Дону был Василий Акимович Машлыкни, а после него Семен Никитич Сулин.

Таковы были первые впечатления молодого хорунжего Емельяна Ивановича Пугачева на родной земле. Много узнал он и многое вынес, наблюдая эти события. В это-же время встретился он с Яицким казаком и тот рассказывал ему о Череповской расправе и сказал:

— Что-же и говорить тебе: одно слово — худо! Мы разорены от старшин и все наши привилегии нарушены... За Волгой крестьяне, страшно сказать, как живут... Как скот... Помещики гнетут их — подай оброк. А где его подать: земля пло-

* См. №№ 17, 18 и 19 «На Казачьем Посту».

хо родит. Засухи одолевают... Крепкая тамotka земля. Больших трудов требует... Недовольно там крестьянство, особенно которые из старообрядцев... Клянут Государыню... Понимают государя Петра III. Кабы жив то он был заступился никак о своих крестьянах... Не так ли?

Увидел на Дову Пугачев какое значение для казаков имеет имя государыни: «ручки государыни нет» вот и не нужно исполнять указа ея, не подписанного... А имя Государя? Выводы сами напрашивались в сметливой голове Пугачева.

В эту пору Пугачев помог своему зятю бежать на Терек, что было строго запрещено. Зятя поймали. Пугачеву, как пособнику грозило жестокое наказание.

Пугачев бежал на Яик.

ХП

История Яицкого казака Богомолова. — Слухи о том, что император Петр III скрывается в Яицком войске. — Пугачев выдает себя за Императора. — Яицкие «заводчики». — Речи Пугачева казакам. — Устройство войска. — «Оказачивание» крестьян. — Казни помещиков. — Пугачевский бунт.

На Яике не задолго до всех этих событий был за что то арестован Яицкий казак Богомолов. Сидя под арестом Богомолов показал караульным солдатам какие то следы на своем теле и сказал им, что это крест.

— Крест этот означает, — говорил Богомолов, — что я все не казак Богомолов, а Император Петр III Феодорович.

За такие речи Богомолова сослали в Сибирь, но сослали тайно. По Яицкому войску по приволжским раскольничьим селениям пошла молва, что Император Петр жив и скитается, укрываясь до времени, на Яике. Дошел этот слух и до Пугачева.

Однажды Пугачев парился в бане с Яицким казаком. На распаренном красном теле резко проступили белыми пятнами на груди следы старых чирьев.

— Что это такое у тебя? — спросил Яицкий казак.

Пугачев не ответил.

Вышли из бани. Темная ночь. Степь. Кругом ни души. Пугачев подозвал казака к себе и тихо сказал:

— На груди-то? На груди, спрашиваешь, что за знаки?.. Крест... Крест мне от Бога! Потому я не донской казак Пугачев и не раскольник из Польши, как я допрежь говорил. Скрываюсь от врагов. А... Император Петр III.

Пошел о том слух по Войску. Оно только что пережило Череповскую расправу. Явились «заводчики» дела, Яицкие казаки. Они окружили Пугачева, почуяли в нем нужного человека. Потом они сами показывали:

— Нам какое дело, государь он или нет? Мы из грязи сумеем сделать князя. Если он не завладеет Московским царством, так мы на Яике сделаем свое царство... Для сих причин вздумали мы принять его покойным государем Петром Федоровичем, дабы он восстановил прежние наши обряды, а бояр, которые больше всего в сем деле умничают, всех истребить, надеясь на то, что сие наше предприятие подкреплено будет и сила наша умножится от черни, которая тоже вся притеснена и в конец разорена...

Яицкие казаки, «заводчики» этого дела, укрыли Пугачева на Таловом уме. Когда к нему приехали ходоки из Яицких городков, Пугачев вышел к ним и держал речь, как император Петр III:

— Я вам даю свое обещание, — говорил он, — жаловать ваше войско так, как Донское; — по двенадцати рублей жалованья и по двенадцати четвертей хлеба. Жалую вас рекою Яиком и всеми протоками, рыбными ловлями, землею и угодами, сенными покосами безданно и безошлинно; я распространю соль на все четыре стороны, вези, куда кто хочет, и я буду вас жаловать так, как и прежде государи, а вы мне за то послужите верою и правдою.

Поднялось Яицкое войско.

16-го сентября 1773-го года, на хуторе Толкачеве, перед походом на Яицкий городок Пугачев говорил казакам:

— Жалую вас рекою Яиком, с вершины до устья, жалую морями, травами, денежным жалованьем, хлебом, свинцом и всею вольностью. Я знаю, что всем обижены, что вас лишают привилегий и истребляют вашу вольность. Бог за мою прямую к Нему старую веру вручает мне царство по прежнему, и я намерен восстановить вашу вольность, и вас не оставляю и вы будете у меня первые люди.

На другой день Пугачев подтвердил сказанное «имянным указом Яицкому войску». В нем он писал: — «жаловаю я вас: рекою с вершин и до устья» и далее так же неграмотно все, что говорил накануне; под указом подписал: — «амператор Петр III»...

Знал народную и казачью душу Пугачев. Обещать, обещать, как можно больше обещать! Пошли на его обещания Яицкие казаки, беглые солдаты, крепостные крестьяне. Пол-

ны дворы набились таким народом. Смышленный казак, выдавший и слышавший о Суворове, ученик одного из лучших казачьих командиров того времени, Денисова, Пугачев из этого сброда составлял войско. Он делил людей на полки, полки на сотни, везде ставил полковников, атаманов, сотников и хорунжих. Красные и желтые знамена были розданы по полкам. На знаменах были нашиты восьмиконечные кресты и образа.

Яицкое войско было глухим и дальним углом Российской Империи. Русская армия была занята в Молдавии войною с турками. По Волжским городам стояли гарнизоны из старых солдат - инвалидов. В помещичьих домах и вовсе не было никакой охраны.

Первыми полыхнули старообрядцы. Им было известно, что до вступления на престол Императрицы Екатерины II, Император Петр III давал им льготы. Потом дошел до них слух, что император от желудочных коликов в Ропше скончался. Зашептали по скитам и поселкам, что не своею смертью умер Петр, но был задушен по повелению Государыни. На Российском Престоле сидела женщина — не укладывалось это с их понятиями о престоле... И вдруг пошел слух, что император Петр жив и явился на Яике, чтобы помочь черному, простому народу.

Подлинного Государя никто никогда не видел. Появившийся теперь, отвечал представлению об Императоре. Чернородый, могучий, властный, он шел вверх по Волге, уничтожая всех, кто не признавал его Императором. Он подвергал истязаниям помещиков и их семьи. Он отпускал на волю крестьян, дарил им земли.

— Руби столбы, повелевал он — заборы сами повалятся.

Валились заборы. Все припадало к его ногам. Он величаво входил в церкви, проходил через царские врата, садился на церковном престоле в алтаре и творил суд и расправу.

— Настоящий царь! — восторженно говорили про него крестьяне.

Татары, калмыки и киргизы чмокали губами и падали на колени.

Знал черную народную душу Пугачев, умел поразить ее. Знал Пугачев, как крестьяне завидуют казакам и их вольному житью.

— Все будете у меня казаками, — величественно заявлял Пугачев и этим привлекал к себе сердца крестьян.

В Татищевой крепости Пугачев приказал остричь волосы по казачьи помилованным им пленным и приказал им именоваться «государевыми казаками». В пригороде Осы сдавшемуся ему воеводе сказал:

— Будь ты отныне казак, а не воевода.

Заняв Пензу Пугачев сказал купцам:

— Ну, господа купцы, теперь вы и все городские жители называйтесь моими казаками. Я ни подушных денег, ни рекрут с вас брать не буду.

Пленных офицеров, которые признавали его за императора жаловал в атаманы и есаулы.

Сам от живой жены женился на казачьей дочери Устинье Кузнецовой и обставил ее в себя «двором» из Яицких казаков. В церквах, за обедней, поминали Государя Петра Федоровича и супругу его Государыню Екатерину Алексеевну. Приближенные носили имена вельмож, окружавших в ту пору Екатерину II.

Пожарным пламенем сильнее, чем при Степане Разине сами запылали села и деревни по Волге. Все накипевшее годами недовольство дворянами и помещиками за их притеснения крестьян вылилось в беспощадном бунте против всех дворян. Верили, что настала долгожданная воля, что идет на Москву и Петербург подлинный Император Петр III Федорович идет «мужицкий царь», чтобы дать на землю правду, чтобы постоять за обиженный черный народ, переделить по справедливому землю...

Учитывая все это Пугачев писал в своих грамотках:

— «Кои дворяне в своих поместьях и вотчинах — оных, противников нашей власти, возмутителей Империи и разорителей крестьян, ловить, казнить и вешать... По истреблении которых противников и злодеев дворян всякий может восчувствовать тишину и спокойную жизнь»...

Вся Волга поднялась на этот призыв. Пугачев осадил и взял Оренбург, занял Казань. Ему не нужно было самому действовать. Именем Государевым ловили, казнили и вешали дворян; перед именем Государевым сдавались города, от имени государева пылали помещичьи усадьбы — ужас шел впереди Пугачева и ему сопутствовал.

Пугачевский бунт разрастался в подлинное государственное бедствие.

Во время войны Императрице Екатерине II пришлось собирать где только можно войска, назначать во главе их луч-

ших своих генералов и повести правильную войну с крестьянскими и казачьими полками Пугачева.

XIII

Отношение Донского войска к Пугачевскому бунту. Войсковой Круг в октябре 1772-го года собирает войска против мятежников. Пугачев на Дону. Первая жена Пугачева. Разорение Пугачевым Донских станиц. Бой на реке Мечетной и под Царицыным. Полковник Кутейников. Донцы узнали Пугачева. Яицкие казаки выдают Пугачева генералу Михельсону. Казнь Пугачева.

О событиях на Янке, на Дону стало сейчас-же известно. Пугачев посылал на Дон грамоты; ездили от него по станицам «тайные подговорщики». Бывали у Пугачева и перебежчики с Дона, ездившие посмотреть казачьего и крестьянского «амператора Петра Федоровича».

Собравшийся в октябре 1772-го года войсковой Круг постановил набрать по станицам 1000 лучших казаков, составить из них полк с тем, чтобы тот полк был готов по первому требованию выступить и дать отпор самозванцу Станичным атаманам было приказано зорко следить за всеми проходящими и приезжающими в станицы «особливо из бродяг и носящих на себе образ нищего».

требованию выступить и дать отпор самозванцу. Станичным вым когда то Пугачев, был собран и направлен в Самару в отряд генерала Мансурова.

И уже пошли по Дону слухи, что император Петр III никто иной, как свой донской казак Зимовейской станицы Емельян Пугачев. Станичники отказались от него. Дом Пугачева был уничтожен. Его жена и дети ходили по станице, побираясь милостынею.

Узнав о том Императрица Екатерина II приказала отправить ее в стан Пугачева, в надежде, что та уличит мужа в самозванстве.

Русская армия под начальством генерала Михельсона вытеснила Пугачева из Самары и Оренбурга. Крестьяне везде приносили повинную. Яицкие казаки понемногу стали покидать Пугачева.

Пугачев решил идти на Дон искать новых людей, еще не прознавших про него. В эту пору добралась до него его жена с детьми.

Свидание Пугачева с семьей произошло в его палатке.

Пугачев принял ее с глазу на глаз.

— Что, Дмитриевна, как ты думала обо мне? — спросил жену Пугачев.

— Да что думать-то! Бude не отопрешься, так я твоя жена, а вот это твои дети.

— Это правда; я не отопрюсь от вас, только слушай, Дмитриевна, что я тебе скажу: теперь пристаю ко мне наши донские казаки и хотят у меня служить, так я тебе приказываю, неравно между ними случатся знакомые, не называй меня Пугачевым, а говори, что я у вас в доме жил, знаком тебе и твоему мужу; и сказывай, что твоего мужа в суде замучили до смерти за то, что меня у себя держал в доме.

— Как я стану говорить?! Я право не знаю.

— Так и сказывай, что ты жена Пугачева, да не сказывай, что моя, и не говори, что я Пугачев. Ты видишь, что я называюсь ныне государем Петром Федоровичем, и все меня за такого почитают. Так смотри-же Дмитриевна, исполняй то, что я тебе велю, а я, когда Бог велит мне быть в Петербурге и меня там примут, тогда тебя не оставлю, а буде не то, так не пеняй — из своих рук саблю голову срублю.

Жена Пугачева заплакала и вышла из палатки. Она говорила с той поры так, как приказал ей ее муж.

Пугачев послал на Дон возвания, обещая тоже, что обещал и Яицким казакам. Возвания его успеха не имели. Атаман Сулин объявил по войску, что тому, кто поймает злодея будет выдано 25.000 рублей и золотая медаль. По станицам в распоряжение полковника Алексея Иловайского набирали казаков. Так как почти все способные носить оружие казаки находились на турецкой войне, набранные и собиравшиеся в Скуришенской и Арженовской станицах казаки были плохо вооружены, среди них было много слабосильных, и сидели они на плохих лошадях. Они составили три отряда полковников: Луковкина, Максима Янова и Андрея Вуколова.

Пугачев собрал огромные толпы крестьян и в августе 1774-го года вошел со стороны Камышина в пределы Войска Донского. Одна часть мятежников пошла по берегам реки Медведицы, другая по реке Иловле и третья по Хопру. В станицах оставались только старики, женщины и дети. При приближении Пугачевских орд жители спасались по лесам и балкам оставляя имущество Пугачевским толпам. 14-го августа Пугачев до гла разорил станицы Березовскую, Мало-

дельскую, Заполянскую, Орловскую и Раздорскую на Медведице. В Березовской угнали станичный конный табун; в Малоделльской повесили оставшихся там казаков; в Заполянской жестоко избили станичного атамана и двух стариков за то, что не могли снабдить мятежников овсом и сеном.

«Амператор Петр Федорович» показал донцам свой подлинный лик.

Походный атаман Луковкин со старшинами Яновым и Вуколовым с отрядом в 550 казаков пошел на мятежников, бывших у Етеревской станицы. В ночь на 17-е августа Луковкин прошел 80 верст и днем неожиданно напал на мятежников, пьянствовавших в Етеревской станице. Многих убили, забрали в плен, но большая часть бежала к Заполянской станице. Луковкин преследовал ее и выгнал из пределов Войска.

Главные силы Пугачева направились к Царицыну. Когда хвост его колонны проходил мимо Царицына, Донцы атаковали его. При этом много, до 1.200 казаков, любопытствуя узнать про Императора, перебежало к Пугачеву. При остиновке на ночлег казаки старались заглянуть на императора, но, — показывали они потом: — «злодей рожу свою от них отворачивал»... Нашлись, — однако, знавшие и выдавшие Пугачева и пошли разговоры между казаками о том, что император — вовсе не император, но свой казак Пугачев. Тою-же ночью донские казаки стали покидать стан Пугачева, а между Яицких казаков началось «такое замешательство, что руки у всех опустились и не знали они за что им приняться».

При приближении Пугачева к Царицыну крестьяне окрестных деревень забунтовались и Царицынский комендант просил помощи Войска Донского. По приказанию наказного Донского атамана Сулина все служилые казаки, состоявшие на льготе до отставки и жившие от Маноцкой до Терновской станиц и казаки Донецких станиц были вновь призваны на службу. Они составили два полка: Макара Грекова и Акима Карпова. Из возвратившихся с Кубани на льготу полков Павла Кирсанова, Матвея Платова и Акима Уварова было отобрано тысяча добродетельных казаков и из них составлено два полка Кирсанова и Платова.

Эти полки были спешно посланы к Царицыну. Туда-же был направлен полковник Кутейников с полками Василия Манькова, Карпа и Михаила Денисовых.

На реке Мечетной отряд Кутейникова настиг главные силы Пугачева. Кутейников, Маньков и Денисовы три раза атаковали мятежников и всякий раз прогоняли их до самых пушек, но захватить пушек не смогли. В третью атаку Кутейников столкнулся с Яицким казаком. Он зарубил его, но казак успел нанести Кутейникову две тяжелые раны — в грудь и левый бок. Кутейников упал с коня и был схвачен бунтовщиками. С него сорвали аммуницию и платье, связали ему назад руки, таскали за волосы, били, надели на него ременный аркан, которым едва не удавили его и привязали его к арбяному колесу. Так оставался он привязанным до вечера. Под вечер его понесли к «императору».

Пугачев сидел в шатре, окруженный своими товарищами. Перед ним был стол, на столе штоф водки.

— Чей ты?.. — строго спросил Кутейникова Пугачев.

— Кутейников... полковник.

— Так, ты, брат, мне и роднею причелся, — с насмешкой сказал Пугачев. — Ты Пугачева дом разорял?!

— Не разорял, а исполнял волю командирскую.

Пугачев приказал привести в палатку свою жену и спросил Кутейникова:

— Узнаешь Пугачиху?

— Не знаю.

— Вот она — Пугачиха.

Я ее никогда не видывал.

Пугачев засмеялся.

— Уведите Пугачиху, — сказал он. — Признаешь меня императором Петром Федоровичем? Пойдешь с нами, как все донские казаки идут?

— Которые идут, а которые и не идут. У нас не император, а государыня Екатерина Алексеевна.

— Вот как! Да я тебя, брат, повешу!.

Кутейников промолчал.

— Или разстрелять его что-ли? — со зверской усмешкой сказал Пугачев. — Ты как о себе думаешь?

Кутейников молчал.

— Четвертовать! Нет. Допреж — отрезать ему пятки и вытянуть из ног жилы. Ты что-же молчишь-то. Али языка от страха лишился? Что я не могу что-ли того сделать?

Кутейников ничего не отвечал Пугачеву. Тот приказал казанскому татарину пристрелить Кутейникова.

Кутейникова вывели из обоза, перевели чрез буерак и посадили в поле. Татарин стал стрелять в него. Три раза ру-

жье давало осечку. Кутейников молча ожидал смерти. Четвертый раз татарин стрелял в упор, в левый раненый бок Кутейникова. Кутейников свалился в овраг и два часа пролежал без сознания. Когда очнулся — ночь. Тишина и безлюдье. Пугачев ушел к Царицыну. Полуживой донской полковник был найден двумя казаками, уходившими от Пугачева и доставлен ими в Качалинскую станицу.

Царицын отстоялся от Пугачевских толп. Пугачев, потерпев неудачу под Царицыным, пошел к Черному Яру. Здесь он окопался. В его стане было неблагоприятно. Наблюдавшие за ним донские казаки говорили между собою:

— Конечно, он не государь.

— Разве такие государи бывают?

Когда Пугачев показывался на валу казаки из осаждавших его полков кричали ему:

— Здорово Емельян Иванович!

Пугачев отворачивался и скрывался в палатке.

— И всего боятся, — говорили казаки. — Нет!.. Не государь он.

Каждую ночь сотни людей уходили из стана Пугачева.

С севера наступала армия генерала Михельсона. С нею шли донские полки.

Пугачев кинулся искать спасения в Яицкое войско. Там казаки схватили его и выдали генералу Михельсону.

Скованного по рукам и по ногам Пугачева в большой клетке повезли в Москву. Нечесанный, с косматыми отросшими волосами, с бородою в лохмах, в разодранной рубахе в нагольном тулупе, как дикий зверь сидел Пугачев в клетке. Таких увидел его граф Панин, когда Пугачева привезли на тот двор, где Панин стоял со своим штабом.

— Кто ты таков? — спросил Пугачева Панин.

— Сам, чаю, лучше моего знаешь — Емельян Иванович Пугачев, — ответил, мрачно насупившись, Пугачев.

— Как же ты смел, вор, назваться Государем?

Пугачев как бы про себя пробормотал:

— Я не ворон. Я вороненок, а ворон еще летает. Гляди еще и тебе глаза выклюет!

В Москве Пугачев во всем покаялся. Когда вывели его 10 января 1775 г. на Лобное место в Кремле, окруженное несметными толпами народа, Пугачев перекрестился, сделал несколько земных поклонов, поклонился в землю народу и говорил прерывающимся громким голосом:

— Прости, народ православный!.. Отпусти мне, в чем я согрешил перед тобою!.. Прости народ православный!.. Прости!!

Потом сам кинулся на плаху. Палач сразу отрубил ему голову.

П. Краснов

(Продолжение следует)

Как разыскать своих родных?

В последние годы, вследствие военных действий на Востоке, многие потеряли связь со своими родными. По объявлениям о розысках в газетах, издаваемых в освобожденных областях, а также и при помощи газет для добровольцев, многим удалось эту связь восстановить. Но продолжает и теперь поступать множество просьб о розысках как от добровольцев, так и жителей освобожденных областей, а также и от проживающих в Германии рабочих, вносящих своим трудом свой вклад в дело борьбы с большевизмом.

Дабы пойти навстречу этому желанию восстановить и сблизить связи с близкими людьми, Военное Командование решило учредить несколько центральных розыскных бюро, которые, в пределах возможности и посколько позволит имеющийся в их распоряжении материал, должны удовлетворять эту насущную нужду.

Речь идет о четырех центральных бюро, разделенных по территориальному признаку, о чем говорится ниже. По нижеуказанным «Фельдпостным номерам» (номерам полевой почты) и следует направлять все запросы, для чего следует пользоваться специально отпечатанной «Фельдпосткарте» (открыткой полевой почты), выдающейся по требованиям начальниками соответствующих немецких учреждений:

Бюро № 1: Zentralauskunftsstelle I — Feldpost № 57800.

По этому адресу следует направлять просьбы о розысках лиц, урожденных или проживавших в следующих местностях:

РСФСР: Краснодарский Край с Автономной Адыгейской областью, Орджоникидзевский край с Кизлярским районом, Автономной Карачаевской областью и Автономной Черкесской областью. Ростовская область. АССР. Дагестан. Кабардино-Балкария. Калмыкия. Крым. Северная Осетия. Чечено-Ингушетия.

УССР: Области: Запорожская, Николаевская, Одесская, Сталинская.

Автономная ССР Молдавия. Азербейджанская ССР с АССР Нахичевань и Автономная Северо-Осетинская область (ССР Грузия).

Бюро № 2: Zentralauskunftsstelle II — Feldpost № 11900.

По этому адресу направлять запросы о розысках лиц, урожденных или проживавших в следующих местностях:

РСФСР. Области: Воронежская, Курская и Сталинградская с Астраханским районом.

Украинская ССР. Области: Винницкая, Воынь, Ворошиловградская, Днепропетровская, Житомирская, Каменец-Подольская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Ровенская, Сумская, Харьковская, Черниговская.

Бюро № 3: Zentralauskunftsstelle III — Feldpost № 19000.

РСФСР. Области: Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская.

Белорусская ССР. Области: Барановичская, Брестская, Вилейская, Витебская, Гомельская, Минская, Могилевская, Пинская, Полоцкая.

Бюро № 4: Zentralauskunftsstelle IV — Feldpost № 39609/Ru.

РСФСР. Область Калининская с районом Опочка. Ленинградская область с районами Кингисспенским и Псковским.

★

От Редакции: Доводя до сведения наших читателей — казаков и уроженцев казачьих краев, — о настоящем извещении Германского Верховного командования, редакция обращает внимание на необходимость при запросах перечислять имя, отчество, фамилию разыскиваемых лиц, дату и место их рождения — те же данные, с прибавлением своего «Фельдпостного номера», сообщать при запросах и о себе.

Находчивость и мужество

Избранный заочно Окружным Атаманом Сальского Округа на Войсковом Круге в последних числах апреля 1917-го года, ныне здравствующий Генерал-Майор Г. Г., тогда Войсковой Старшина, прибыл 1-го мая того же года в станцию Великокняжескую и вступил в исполнение своих обязанностей.

Через три дня было назначено им Окружное совещание из коннозаводчиков Округа и рабочих, стекавшихся тогда на работы у коннозаводчиков в количестве до 20-30 тысяч человек. Задачей совещания было добиться соглашения между ними в ценах за работу, продолжительности рабочего дня и довольствия рабочих, ибо коннозаводчики, по примеру прежних лет держались цен, установленных годами, а рабочие вследствие наступившей дороговизны жизни втрое, вчетверо против прежнего требовали увеличения платы в 20 раз, подстрекаемые, конечно, «благодетелями» — агитаторами от коммунистов. Окружной Атаман, открыв заседание, выслушал сначала коннозаводчиков, которые настаивали на ценах прежних лет. Сделав им основательное внушение о том, что в настоящее тяжело и тревожно переживаемое время необходимо считаться с современными условиями жизни, а не с прежними, когда было время нормальное, обратился к рабочим, представителем которых был неокончивший агрономическую школу молодой человек, лет 22-23-х. Пояснив последним, что предъявляемые ими к коннозаводчикам требования совершенно не соответствуют существующим ценам, как по отношению оплаты труда, так и довольствия, предложил представителю рабочих, который требовал от коннозаводчиков выдавать каждому рабочему на завтрак, обед, полдник и ужин по полфунта сала, кроме остальных продуктов (в том числе кур, индеек, гусей, уток и т. д.) съесть за один раз пол фунта сала, за которым послал одного зажиточного казака. Но пока Окружной Атаман продолжал свою речь к рабочим, их представитель исчез. На вопрос Атамана к рабочим, где же их представитель, они, поднявшись со своих мест единодушно и громогласно заявили, что представитель их сбежал, что мы верим, отец, тебе и надеемся, что ты нас не обидишь. И действительно, совещание, без пострелателя, закончилось очень быстро: рабочие и коннозаводчики пришли к полному соглашению.

Другой случай: в один из последних ноябрьских пасмурных и дождливых дней этого же года в комнату того же Окружного Атамана вбежал бледный как смерть Начальник Окружной полиции г. Р. и сообщил, что «сейчас на станцию прибыла одна рота 39 советской пехотной дивизии, расположенной в соседней Ставропольской губернии, взвод от которой под начальством комиссара-офицера направился к Вашей квартире с целью арестовать Вас или убить. Спасайтесь!» Учитывая тревожное время и не имея права бросить Округ на произвол коммунистов. Окружной Атаман Г. Г. оставил вместо себя Начальника Окружной полиции, сам же направился в свою квартиру, приказав не посылать с ним ни одного полицейского, чтобы не допустить возможного кровопролития с коммунистами. При выходе на Кутейниковскую улицу, Атаман увидел, что вся эта улица против его квартиры сплошь забита толпой народа, к которой с балкона Атаманской квартиры держал речь комиссар о совершившемся перевороте и уничтожении существующей власти. Подойдя к толпе, Атаман попросил крайних расступиться и благополучно прошел к дверям калитки, у которой и на ступеньках балкона по обе стороны стояли солдаты с прижатыми штыками. Атаман благополучно поднялся и на

балкон. Заметивши в карманах комиссара револьверы без шнуров, быстро повернувшись в затылок комиссару, выхватил револьверы и бросил их в открытую дверь коридора, схватил за шею оратора и выбросил его с балкона с такой силой, что он перелетел через калитку и тротуар из двух досок и упал лицом в болото, образовавшееся на улице от сильных дождей. Солдаты без выстрела в панике бежали на станцию к своей роте и рота моментально скрылась на ст. Торговую на особом паровозе. Толпа, увидев победу Атамана, кинулась избивать комиссара, но Атаман крикнул: «не трогать, отвести его в кардегардию (в станичную тюрьму),» а затем ночью отправил и этого на станцию Торговую. 39 советская пехотная дивизия настолько была ошеломлена этим событием, что не решалась затем напасть на Сальский Округ, пока не начали местные жители производить грабеж коннозаводческого имущества, обнаружив тем, что у Окружного Атамана нет ни одной казачьей части, которая могла бы защитить Округ.

Случаи эти лишний раз показывают, что может сделать один человек, не потерявший самообладания при крайней опасности.

Иван Махин. (Лит. К.)

Мы гордое племя

Мы гордое племя! Мы вольные птицы!

В нас кровь горячее огня —

За наши курганы и наши станицы

Мы вихрем взлетим на коня.

И горе соседям, коль в бешеном споре

Волной затабунится Степь,

И вспенит волну до широкого моря

Ковыль — наша белая лепь.

На дальних отрогах и гребнях Кавказа

Наш Терек взывает волной,

Восстанут Урал и Кубань без приказа

И Дон поведет их на бой!

За Дикое Поле и честь Атаманов,

За трепет казачьих знамен,

Мы груди подставим под копыта Тиранов

И дерзкий напор отобьем!...

Так мчите же песни казачью славу

На пасмурный Север и Юг,

Гремите по миру про дикую лаву,

Про наши станицы и Круг!!!

Николай Келин.

Старые лейб-казаки, служащие ныне в Германской Армии, шлют сердечный привет г. г. офицерам и полковцам и просят их откликнуться:

Глухов Мефодий Васильевич, станицы Верхне-Кундрюченской, б. вахмистр 3-й сотни Дюбин и казак Руковичкин.
Адрес: F.-P.-№г. 57 529.

Томско-Енисейская трагедия

Навсегда останется в памяти заключенных Томско-Енисейское отделение Сиблага и то, что они там пережили, будет переходить из поколения в поколение, как самая жуткая страница истории существования лагерей ОГПУ. Нигде, кажется — ни в одном лагере ГПУ не было такого жесточайшего террора, какой царил зимой в 1929-30 гг. в Томско-Енисейском лагере по отношению к заключенным, осужденным большей частью по 58 статье и направленным для отбытия наказания в Томско-Енисейскую глухую тайгу. Томско-Енисейская тайга издавна славилась своими непроходимыми болотами. Это так называемые «урманы», куда боясь заблудиться, редко заходил даже охотник, и хозяином этого угрюмого края был только осторожный таежный зверь. Вот в эту-то страшную таежную глушь и бросило ГПУ три с половиной тысячи заключенных для проведения Томско-Енисейской железно-дорожной линии и производства для этой цели лесозаготовки. По прибытии на место советской каторги заключенных, большей частью крестьян-зажиточных, средняков, бедняков, и батраков, поместили в холодные, малопригодные для жилья бараки и оцепили их тройной проволокой, чтобы подневольные советские рабы не могли убежать и поведать всему миру о той великой несправедливости, о тех страшных злодеяниях, которые творились с благословения «отца народов» за проволокой лагеря. Это было поистине ужасно, как передает очевидец пыток, случайно уцелевший от жуткой расправы чекистов, и выглядевший в 30 лет глубоким стариком.

Заключенные были на положении худшем, чем рабочий скот, который били только тогда, когда он ленился, а заключенных били всегда и без всякой причины. К заключенным ежедневно применялись одни и те же приемы обращения. Не ограничивая себя в «мате», охрана, выгоняя заключенных на работу и загоняя их с работы в камеры, подгоняла их прикладами и особенно тех, кто почему-либо оставался последним. При этом давка была немощная, так как каждый боялся остаться последним. За невыполнение нормы заключенным сначала уменьшали паек, а потом всех их почти без исключения охрана пристреливала на месте работы, и бедные мученики падали на те деревья, над которыми только-что трудились. Горе было тому, кто из заключенных, нагруженный непосильной ношей, по слабости здоровья падал под нею, его тут же охранник или добивал прикладом или прикалывал штыком, навеки вбивая в глубокий сибирский снег. Заключенные боялись ходить в хорошей одежде так как попав на работу, они из-за нее могли всегда быть заведены охранником в кусты и убиты там, найдя там свою безвременную могилу. Заключенные настолько были терроризованы своей охраной, во главе с начальником отделения, что боялись не только говорить, но и даже думать о плохой жизни в лагере. Шпионаж был развит ужасный. Заключенные боялись друг друга, и каждый из них видел в своем соседе предателя и доносчика. По доносу и малейшему подозрению в недовольстве лагерным режимом людей целыми группами раздевали донага, обливали студеной водой и живьем замораживали при 50 градусном морозе, а на утро обледеневшие трупы несчастных вывозили за ворота. Несколько партий заключенных по 15-20 чел. заставляли в расположении лагеря рыть себе могилы и тут же их расстреливали. Никогда русский народ не забудет потрясающий факт, когда кровавая охрана чекистов на расстрелянной группе осужденных привязала 5 трупов к лошади и протаскала волоком по лагерю несколько раз, выкрикивая при этом:

«Смотрите, и с вами то же самое будет». Оставшиеся в живых, задавленные террором, измученные пытками в ужасе метались по лагерю и ежеминутно ждали своей участи. Заключенные с надеждой и мольбой ждали откуда-нибудь избавления. Но спасение не приходило. Продолжала торжествовать великая несправедливость. Люди погибали один за другим, посылая проклятия тому, кто их оторвал от родного крова и семьи и бросил умирать в эту страшную таежную жуть. Так прошло 8 долгих месяцев, в течении которых было замучено до двух тысяч человек из трех с половиной тысяч заключенных. И только тогда из Новосибирска прибыл начальник Сиблага с двумя представителями центральной власти для расследования злодеяния в Томско-Енисейском отделении. Обезоружив начальника отделения и всю охрану, прибывшее «начальство» устроило над ними срочный заочный суд и в тот же день расстреляло 20 чел. и в том числе и самого начальника отделения, а десяти охранникам дало по «десятке» и «пятерке» исправ. труд. лагеря. По наведению условного порядка, приехавшее «начальство» для разрядки создавшейся атмосферы в лагере, заявило заключенным, что центр до последнего момента не знал о том, что делалось у него в Томско-Енисейском отделении Сиблага. Но заключенные не верили этому. Центр безусловно знал, что творилось у него в том или ином лагере и в данном случае в Томско-Енисейском отделении Сиблага. И только тогда, когда террор зашел слишком далеко, когда люди стали исчезать целыми тысячами, стала обнаруживаться угроза срыва той или иной работы, центр с видом невинной овцы запустил свои зубы и в тех, кто до сих пор находился как-бы под их опекой. Какая разница для советских заправил — погибло 2.000 человек или 2.020? Не все ли равно для жидов? Такова уж политика Сталина и всей его жидовской клики. Сначала уничтожили заключенных, а потом охрану, чтобы избавиться от лишних свидетелей своих кровавых дел.

Люди были, их уничтожили и забыли о них, как будто их и не было на свете. Лишь не забудут о них те, кто каким-то чудом уцелел от жуткой расправы ГПУ. Да не забудут их жены, дети и матери, у кого в холодных просторах Сибири замучены мужья, отцы и дети.

Не забудет их и все казачество, которое больше всего было гонимо жидо-большевизмом.

П. Харламов

Розыски

Нижепоименованные чины одной воинской части разыскивают своих родных и знакомых: 1. Овечка Алексей Петрович разыскивает родных: Овечка Петра Иларионовича (отец), Овечка Лукию Филипповну (мать), Овечка Николай (брат), Овечка Лидию (сестра), Савченко Николай Андреевича, Кузьменко Петра Гавриловича. 2. Черепаша Михаил Алексеевич разыскивает Черепаша Алексея Ивановича рожд. 1892 г. (отец). 3. Лысенко Алексей Константинович разыскивает Лысенко Константина Мефодиевича (отец), урожд. ст. Н.-Леушовская. 4. Юкин Валентин Александрович разыскивает Юкина Александра Григорьевича рожд. 1897 г. (отец). 5. Дудаковский Василий Павлович разыскивает Слюнаря Василия Никитовича ст. Поповическая. 6. Коваленко Федор Иванович разыскивает Коваленко Ивана Трофимовича и Небегайлова Тараса Тарасовича.

Результат прошу сообщить по адресу: Фельдпост 56400 — Ст. Лейтенант Гондаренко.

Иностраннный легион

Странно было видеть среди бритых солдатских лиц первого кавалерийского эскадрона двоих усатых с окладистыми бородами. Глаза у одного голубые, у другого серые, ясный взгляд, открытый и смелый — все это невольно обращало на себя внимание. То были казаки с Дона, с одного хутора. Вместе пошли на великую войну, делили горе и радость в гражданскую, вместе же очутились за границей. Не хотелось разделяться и тогда, когда младший из казаков, Карпов, решил записаться в иностраннный легион.

— Слушай, Митрич, негоже нам так оставаться без дела. Приказ есть — можем мы уйтить из части, потому не с кем нам тепереча воевать. Переходим мы на мирное положение, а когда надоть будет — позовут. Как ты думаешь, Митрич? Што нам здесь здря сидеть. Слушай, снизил он голос, говорят в Африке нужны люди в иностраннный легион. Французы набирают. Первое — менять отечество не приневоливают, потом в своей вере остаемся. Жалование хорошо платять.

— Служить-то где нужно, в какой части? В пеших или конных?..

— В кавалерии.

— Врешь!

— Ей Богу, Митрич. Им то конный нарочито нужен, которые хорошие ездоки, потому воюют они часто. Это, Митрич, в Африке. Такая есть французская земля, как наш округ, только поболее немного. А живет там немирный народ. Погоди, как их зовут-то, вот запомитовал. Негры — нет, арабы... ага, вспомнил — алжиры. Алжирия их местность прозывается. То-есть, вот сколько годов никак не хотят признавать законную власть.

— Это французов — то?

— Да. Алжиры эти хотят свою власть, французы свою, ну и дерутся. Так вот нам бы туда. Мы бы их враз разделали. Что скажешь?

— Коня-то дают или покупать надоть?

— Все дают. А кони у них, как у нашего командира кобыла — кровные все.

Не долго казаки размышляли. Пошли к своему бывшему командиру, поговорили и через год были уже в Африке.

Время шло. Воевали. В сражениях отличались. Страха не знали. Выручали всегда, если кто-нибудь попадал в беду. Все их любили. Когда требовались охотники на опасное дело, первый как старший выходил Митрич, а к нему тотчас пристраивался Карпов. Командир эскадрона думал про себя: опять эти казаки вышли, и е любовью смотрел на темные, бородатые лица с светлыми, смелыми глазами.

Бывало эскадрону выходил редкий отдых, тогда солдаты могли заняться своими делами. Карпов с Митричем, убрав в первую очередь лошадей, начинали приводить в порядок свое обмундирование, белье, уздечки, седла. Про оружие и говорить нечего — оно у них всегда блестело, как новое. Оправив и почистив что нужно, начинали петь свои казачьи песни. Митрич степенно басом, а Карпов подголоском. Складно получалось. А то бывало, когда развеселятся, начнут плясовую. Ну, тут уж все выйдут смотреть. Станут в кружок, в ладоши хлопают, подсвистывают, а наши казаки только и знают — такие выкрутасы выделывают что любо посмотреть. Только и слышно со всех сторон: «Карош, казак, карош».

Не всегда впрочем казакам бывало весело. Так, за неделю-две до больших ирздников начинали грустить. Де-

лают все, как полагается, а смотришь нет-нет кто-нибудь и вздохнет.

— Скоро Рождество, бывало скажет Карпов.

— Да, скоро, — ответит Митрич. Задумается и долго, долго смотрит на северную сторону. Все же к празднику готовились. Елку из пальмы сделают, украсят ее чем-нибудь. Закуску, какую Бог дал, приготовят. Ну, водочки, как полагается. Целый день под Рождество не едят «до звезды», а как только она загорится на небе, станут оба «смирно», как на молитву. Митрич станет читать: «Рождество Твое Христе Боже наш». Смотрят на небо и истово крестятся. Душою к Господу, мыслями на Родине в своем хуторе. У обоих слезы на глазах. Скатится иной раз какая-нибудь слезинка, как дорогой алмаз-жемчуг, и скроется в густой бороде. Помолятся так, поздравят друг друга с праздником и начнут кутью есть. Приходят к ним тогда товарищи, поздравляют, как умеют, мешают свои и чужие слова, но понимают друг друга, потому сердцами разговаривают.

Готовились казаки и в этом году провести праздник по христиански но неожиданно в самый сочельник их эскадрон вызвали по тревоге. На крепость напали немирные жители пустыни. Завязался кровавый бой. С большими потерями нападение было отбито. Карпов с трудом спас от верной смерти тяжело раненого Митрича. Положил на песок.

— Как тебе, Митрич? Крепись того... авось выживешь.

Старый казак молчит, тяжело дышит и вдруг с трудом заговорил:

— Слушай... вернешься ежели на родину... Матрене Ивановне... жене поклон отнеси... Скажи, вспомнил на смертном часу... а еще... сынишке моему Ванюшке скажи... убит папаша... в бою...

Затих на веки Митрич. На заре, совсем обезсилев, Карпов дотащился до своей крепости. За собою вел коня, на котором лежало тело Митрича. Торжественно их встретили братья по оружию. Сам командир эскадрона снял с себя орден и положил на погибшего. Похоронили потом с воинскими почестями.

Остался один Карпов. Вернулся в свой куток, а как увидел елочку из пальмы, украшенную цветными бумажками, а рядом пустую кровать — понял что он потерял. Не выдержал и горько заплакал.

В. Валов (Лит. К.).

По степям

По степям — напев унылый
Да набатов звон...
За родимые могилы
Стань, мятежный Дон!
Эй! в степях огни мелькнули!...
Шашки вновь звенят,
Запоют лихие пули...
Враг слетит с коня...
И, патрон влагая новый
В дымовом кругу,
Позавидую сурово
Павшему врагу.
Если — ж пулю в час безликый
Сам себе сыну,
Умирая в Поле Диком —
Всем и всё прощу...

Юрий Гончаров

ТАИС

(ПОВЕСТЬ)

I. Роман завмага.

В кооперативе было прохладно, полутемно и пахло вином. Я вошла с раскаленной июльским солнцем улицы и остановилась, ослепнув. Быстроглазая, черноглазая Тася-кооператорша весело приветствовала меня из за стойки:

— Вот какой вы у нас герой стали! До меня в самый жар добрались! Садитесь, вот вам табуретка. Ай не видите?

Ходить и стоять мне было тяжело: я только начинала поправляться после ленинградской голодовки. Тася это знала.

Высокий черный человек соскочил с прилавка и подал мне табурет. Я поблагодарила.

— Красивая баришна, надо поухаживать, — сказал тот серьезно, с заметным кавказским акцентом.

Я пожалала плечами: ни барышней, ни красивой меня нельзя было назвать.

— Смотри, Ваню, сильно не ухаживай, я ревновать буду, — со смехом воскликнула Тася.

— Ревнуй, пожалуйста. Ревнуешь, — значит, любишь, — также серьезно ответил Ваню.

Больше никого в лавке не было. Тася познакомила меня с грузином. Его звали Ваню Цхария, он был ранен в ногу на фронте и прислан сюда на поправку. Очень внимательно посмотрел он на меня красивыми черными глазами и, видимо, запомнил мое лицо и имя раз навсегда. Потом пустился молотить тот вздор, которым обычно угощают женщины восточные человеки. Тася хохотала и бойко подавала реплики.

— Хотите вина? — спросила она меня. — Сейчас есть, давайте налью.

— Не знаю, я так давно ничего не пила! Боюсь опьянеть.

— Не бойтесь, кавалер здесь, он вас проводит.

Ваню с улыбкой поклонился. Улыбка у него была красивая, ровные белые зубы так и блеснули на темном лице.

— А какое вино?

— Ну, какое! Обыкновенно, вино. Хуже бывает.

Тася всосала ртом воздух из резиновой кишки, запущенной в боченок, и подставила под струю стеклянный графин. Светлокрасная жидкость полилась из кишки. Это было не слишком-то аппетитно. Но мне ужасно захотелось вина, как хотелось теперь всего на свете. Оно оказалось кислотоватым, но не плохим, натуральным. Грузин вспомнил родные кахетинские вина, Цинондали, Самтреди, Напареули, и стал рассказывать о привольной жизни и веселых пирях на Кавказе.

— У нас так не пьют, как у вас, — говорил он, поигрывая глазами и обращаясь ко мне, но очевидно имея в виду Тасю. — У нас на пиру всегда хозяин — тамада. Он велит — все исполняют. Выпьют за самого старого гостя, за самого молодого, за самую красивую женщину...

Он поднял стакан, галантно поклонился мне и отпил. Эти комплименты звучали не то издевательством, не то расчетом.

— А правда, что вы своих женщин какелками зовете, и больше любите с русскими гулять? — спросила Тася.

— Наши женщины очень красивые, а русские — умные, — возразил грузин. — У нас много женятся на русских, у нас голубые глаза любят. Только с вашими очень жить трудно.

— То-то, что не какелки, — подмигнула Тася и вздохнула: — а мне, значит, к вам и соваться нечего!

Цхария, не отвечая, посмотрел на ее бледное, широкое в висках лицо с узким подбородком. Взгляд был красноречивее всякого комплимента. Она снова засмеялась. Я видела, что между ними что-то завязывается, мне не нравился грузин с его маслянистой любезностью и было досадно за Тасю.

— Я пойду, — сказала я, и с удивлением обнаружила, что ноги меня не слушаются. Тася это заметила.

— Погодите минутку, я сейчас на обед закрываю. Вместе пойдем.

— Вам по дороге? — спросил Цхария.

— На одной улице живем.

Тася сняла фартук и вышла из за прилавка в беленьком платьице с оборочками. Тяжелеющий взгляд Ваню лег ей на плечи и скользнул вниз, до самых чувак. Даже самоуверенной Тасе стало не по себе под этим взглядом. Она подхватила меня под руку, сильно, но незаметно поддерживала, и мы втроем отправились домой по полуденно-пустым улицам, уходившим в мреющую жаркою дымкою степь с дрожащей в воздухе тонкой полоской тополей на самом горизонте.

Моя строгая хозяйка только головой покачала, глядя на мое пунцовое лицо.

★

— Этот твой дом? Я зайду к тебе.

— Нельзя, Ваню, у меня свекровь сердитая.

— Что-ж свекровь? Я тебя не украду.

— Говорят тебе — нельзя.

— Тогда ты приходи ко мне. Знаешь, где я стою? У меня коньяк есть Шустовский, настоящий Арарат.

— Зачем я пойду к тебе? Прощай, Ваню, вон свекровь глядит.

— Прощай, — медленно сказал он, стискивая ей руку и глядя на нее тяжелым, смущающим взглядом.

Тася вырвала руку и пошла к себе.

— Не бойся меня, — услышала она еще.

Не оборачиваясь, она вошла в дом.

★

Что-то изменилось с этого дня в жизни Таси. Война, которая была до сих пор где-то далеко и не задевала нашего тихого края, приближалась. Бои шли на Дону, около Ростова. Тася, знавшая всех и все в селе и в соседнем городке, слышала то об усиленных и непонятных передвижках войск — все больше на восток, то о появлении эвакуированных с Дона и Кубани, то о внезапных переменных начальствующих лиц. Товары, и до сих пор плохо поступающие в село, почти совсем исчезли, и Тася целые дни проводила за пустым прилавком, лишь изредка торгуя вином из ближнего совхоза Садвинтреста. Но скучать ей не приходилось. В лавке вечно толклись люди, обмениваясь новостями и слухами, и постоянно торчал Цхария. Его нога, повидимому, не заживала, так как он попрежнему прихрамывал. При людях он больше молчал и только поглядывал на нее горячим взглядом, когда она смеялась и шутила с гостями. Наедине с ней он начинал страстными, отрывистыми словами говорить ей о любви.

Однажды он, сидя на прилавке, вдруг перегнулся, схватил обе ее руки, резко дернул ее к себе — она вскрикнула от неожиданности и боли — и поцеловал в раскрытые губы затаженным, мучительным поцелуем, запрокидывая ее на прилавок. Тася застонала и вырвалась.

— Что ты мучаешь меня, проклятый?! — крикнула она.

— Ты меня мучаешь, — хрипло отозвался он. — Ты все смеешься. Довольно. Приходи сегодня.

— Нет.

— Придешь!

— Сказано — нет! Не люблю я тебя.

— Любишь, — сказал он, нагло улыбаясь ей в лицо.

Дверь отворилась и вошедшие избавили Тасю от неприятного разговора. Цхария слез с прилавка и ушел, не прощаясь. Тася кое-как досидела в лавке до пяти часов и пошла домой. Но и там тревога не покидала ее. Она перекладывала укропом и вишневым листом крупные, твердые огурцы в кадучке и все видела перед собой побледневшее лицо Цхария и слышала его голос.

«Придешь! чорта с два! Жди меня», — думала она, чувствуя, что под этой мыслью копошится другая, темная...

Толстая свекровь в засаленной на груди кофте ставила самовар и, как всегда, ворчала на невестку и внучку. Лидка, живая, такая же бледная и черноглазая, как мать, загоняла теленка. Он слышал мычание и запах возвращающегося стада, упрямылся и не желал идти в свою клетушку. Лидка бегала вокруг него с камышиной в руках, сверкая быстрыми ногами. Большая палево-полосатая корова толкнула воротца и вошла во двор. Теленок бросился к ней.

— Мама, да помоги же ты! — закричала Лидка. — Опять он всю ее высосет.

Тася, очнувшись, побежала водворять скотину по местам.

— Я на минутку к куме сбегая, — сказала она свекрови, жмурившейся и кашлявшей от густого голубого дыма из самовара.

— Знаем мы твои минутки, — пробурчала старуха, глядя на быстро уходившую Тасю.

На улице тихо вечерело, медленно опускалась прогретая пыль, поднятая стадом. В легких летних сумерках раздавался стук огнива о кремешок и блестели красноватые искры — это мальчишки у заваленок учились трудному искусству кресать огонь. Тася перешла наискосок улицу к нам.

Фадеевна стояла у горнушки, маленькой глиняной печки с железной трубой, и варила в чугуне вареники. Сырые беленькими рядками ожидали на решете, стоящем на мазаной, чуть покатою крыше някаго курятника. Я подпихивала в ярко пылающую печку охапку пахучего бурьяна. Огонь на минуту заглох и вдруг звучно вспыхнул, выбрасывая наружу большое, яркое пламя.

— Куда так много! — с досадой закричала Фадеевна, — вон через край побежало! Говорю — помалу подкладайте.

Я растерянно стояла у курятника, глядя то на огонь, то в резко освещенное снизу худое, костистое лицо Фадеевны с глубоко запавшими голубыми глазами.

— Давайте горшок, — смягчаясь, приказала она, — сейчас последние спущу и вечерять будем.

— Кума, дай прикурить, — сказала подошедшая Тася, присаживаясь на корточки и ловко выгребая щепкой уголек. — Вам свернуть, Анна Федоровна?

Она быстро свернула длинную, тонкую цыгарку и протянула мне.

— Заклейте сами, — с улыбкой прибавила она.

Я затагнулась крепким дымом и вышла за ворота, на лавочку, чувствуя, что Тася хочет что-то рассказать куме. И действительно, Тася сказала вполголоса:

— Все к себе зовет.

— Носатый-то твой? Чего ж не идешь?

— Боюсь я чего-то.

— Эвона! — кума засмеялась. — Откуда страх нашел! То гуляла, никого не боялась, и муж дома был. А теперь чего?

— Даша, ты бы к нему пошла?

— Ни к кому бы я не пошла, — твердо ответила Даша.

— Ну, как Вася вернется? С какими я его глазами встречу?

— Вот ты это можешь, а я нет. Ну, не могу, что ты будешь делать? — точно удивляясь, проговорила Тася. — Скоро год. Гриши нет, верно, и живого уже нет...

Она вдруг заплакала и пошла своей легкой походкой из ворот. Увидев огонек моей цыгарки, она остановилась и присела на лавочку.

— Как голова, не болит у вас после вчерашнего, — спросила она, хитро улыбаясь. — Вы чего ушли?

— Я думала, вы хотите с Дашей говорить.

— Поговоришь с ней! Завтра все село узнает.

— А у вас такие секреты?

Тася лукаво засмеялась.

— Вы мои секреты знаете, — сказала она нежно и доверчиво.

— Ах, Тася, Тася, напрасно вы это затеяли, — сказала я, испытывая прилив теплоты к этой живой и пылкой женщине.

— Я сама знаю, что напрасно. Я, может, еще удержусь. Только нет...

Она вдруг замолчала.

— Я какой сон вчера видела, — снова начала она вполголоса, — будто стою я в садах, у нас внизу, знаете?

— Нет, я там еще не была.

— Ну, все равно. Только место какое то глухое, кусты кругом, а небо серое, и ветер. Вдруг как подхватило меня ветром, закрутило и вверх подняло, а со мной щепки летят, листья, пыль... Лечу я, и знаю, что мне уж живой не упасть, так высоко занесло. И страшно, и словно сладко чего-то...

Холод прошел у меня по спине, но я заставила себя засмеяться. Тася тоже засмеялась.

— Пустяки все это, — весело сказала она. — Гульнем, гадский род, вот и все. Я его не боюсь.

— Сколько вам лет, Тася, — спросила я, любясь живой игрой ее неправильного, выразительного лица.

— Тридцать два.

Мы разговорились. Тася рассказала, как она жила раньше в Баку, работала на заводе, как вышла замуж, сгорела сына, выростила этого чертенка — Лидку, как трудно было ей привыкать к деревенской жизни, какой хороший ее муж. В заключение она выпросила шелковую комбинацию «под легкое платье», наобещав за нее что-то очень много масла и творога. Она хорошо знала, что свекровь урежет по меньшей мере половину.

Совсем стемнело, когда Тася пришла домой. Дочь и свекровь ждали ее с самоваром. Семья напилась чаю и пошла спать. Тася спала в одной комнате с Лидкой, на белой пуховой постели. Было душно, цикады кричали за раскрытыми окнами. Длинные тюлевые занавесы тихо шевелились. Тася вертелась в своей жаркой постели, сбросив простыню и напряженно прислушиваясь к ночным звукам. Два раза ей послышались осторожные шаги, кто-то будто позвал ее по имени — или ей это почудилось? Сладкое, томительное беспокойство гнало ее из постели, но она справилась с собой и, наконец, заснула, когда за окнами стало уже сереть и волна прохлады повеяла в комнату.

★

На другой день в селю привезли кой-какие товары — соль, зубной порошок, гвозди, жидкое мыло. Тася принимала, взвешивала, убирала ящики и бочки, все время беспокойно оглядываясь и ища взглядом Цхарню. Его не было. Взволнованная, напряженная, она безостановочно бе-

гала взад и вперед, болтая с экспедитором из района. Он сказал ей, что слышал, будто немцы заняли Ростов.

— Не может быть! — вскрикнула она и тут же утешилась: — они его и в прошлом году занимали, а потом отступили. До нас не дойдут.

Цхария появился перед вечером, когда она его уже не ждала. Она выходила из кладовой и наткнулась на него. Он схватил ее за руку.

— Придешь? Придешь?

— Нет, — со стоном ответила она, освобождаясь.

Ночью, когда все заснуло, она встала и, как лунатик, вся дрожа, вылезла в окно. Он ждал за углом и молча сдвинул ее длинными руками так, что у нее затрещали кости.

Т. Левшина.

(Продолжение следует)

ДОНСКАЯ СТАРИНА

На Дону любили в старину поесть и попить. На званых пирах бедный и богатый казак ставил на стол непременно полное число блюд. Обед начинался кругликом (пирогом) с рубленным мясом; за ним следовали холодные блюда: студень, полотки из поросенка, лебедь, соленный журавль — все на разных блюдах; после холодных подавали горячие: щи, похлебку из курицы с пшеном и изюмом, борщ, лапшу; а после супов подавали жаркое: гуся, индейку, поросенка, ягненка с чесноком, дикую козу, дрофу и всякую дичину, — все так же на разных блюдах. За всяким кушаньем подавали мед и вино, а дабы никто не отговаривался пить, то с первого стакана начинали тосты: «Здравствуй царь в кремленной Москве, а мы, казаки, на тихом Дону», «Здравствуй, Войско Донское, с верха до низу и с низу до верха». Пили за здоровье атамана и всех гостей. Когда за всех было выпито, пили за упокой души мертвых.

Броневский.

Ранение Пятикова

Рассказ из военной жизни казаков

Апрель и май были, по словам Пятикова, моего близкого друга несчастливими месяцами в его жизни. В городе жить было хорошо: никакой опасности, в свободное время к Соне зайдет на часок другой, иной раз этак и часов до двух просидит. Ходил каждую неделю в баню, по воскресеньям — церковь. Не служба, а малина: налево базар, направо пойдешь так же попадешь на базар, служба легкая. За угол завернешь — баня, рукой подать Соня живет...

Сколько он ни жил на белом свете, а стареть не старел. Вот только румянец пропал, зубы немного почернели, нос слегка покраснел, густые волосы покрылись седью. Сколько еще энергии таилось в нем... Он то песню казачью зацует, то в присядку пойдет, приговаривая:

Рожь, пшеницу — за границу,
А картошку на вино,
Кулаков всех в казематы,
А колхозникам кино...

— Завтра уезжаю господу станичники, в сотню еду, к Сапрунову, а на мое место уже есть — Софрон Басов. Для казаков это была новость.

— Неужели? удивились казаки.

— Шутить я буду, вот уже командировка...

К вечеру следующего дня он прибыл в село Хорьки в распоряжение командира сотни Сапрунова. Держал себя Пятиков гордо, голову носил на своих широких, немного в приподнятом положении плечах, выпячивая подбородок вперед... Ноги у него кривые, толстые, отчего они казались неуклюжими. Через два дня командир сотни перевел его в команду старшего урядника Берлева. В первый же день Пятиков подошел к казаку, мастеру играть на дурной гармонике, лучшему игроку в команде, попросил: А ну ка, растяни, станичник одним словом! Весь затрясся, пошел выбивать, приговаривая:

Лиза-Лиза, Лизавета,
Я люблю тебя за это,
И за это и за то,
Что целуешь хорошо
Ой, что ты, что ты,
Я казак девятой сотни,
Номер третьего полка...

— Помогай, казаки! — говорит казак Арьков.

Казаки занимались всяк своим делом: кто картофель чистил, кто сапоги чинил, другие с пулеметом возились...

К казакам подходит унтерофицер Фриц и ефрейтор Густав.

Старый воин

С унтерофицером Пятиков был уже знаком... Фриц приветствовал казаков, подавая руку старшему уряднику Пятикову.

— Гац, по русски Иван, понимаешь?

— Фамилия!

— Пятиков.

Фриц был жизнерадостным весельчаком, немного научился русскому языку. Узколицый, краснощекий, с прямым острым носом, длинными рыжими волосами, которые косичками выглядывали из под пилотки... Небольшого роста, широкоплечий и с сильно развитыми ногами.

— Понимаю, понимаю, — говорит он...

В команде старшего урядника Берлева было не более

двадцати пяти казаков, команда Фрица несчитывала около девяти солдат.

В тот знаменательный вечер — было это в теплый апрельский вечер — по линии железной дороги должны идти Густав от немецкой команды, из команды Берлова Арьков и Кожемякин. С ними вместе собрались — Фриц и Пятиков... Следовало пройти в один конец семь километров, потом обратный путь... Двадцатого апреля — дата несчастного дня в его жизни. С вечера он был в самом лучшем расположении духа, плясал, пел частушки собственного сочинения, собрался хор:

Час настал тебе взбурлиться,
Окропить росой поля,
Будет вновь освобождена
Вся казачья земля...

широко раставив ноги, скрестив на груди руки, приподнимая голову, заводит Пятиков. Густав при полном боевом подходе к казакам, ожидая 8 часов вечера, стал слушать стройные мелодии казачьей песни, зовущей на бой, во имя своей родины, во имя своего народа, долга и чести каждого истинного патриота. Он недавно прибыл из отпуска, еще скучал по жене и маленькому четырехлетнему сыну. Он был мрачен... Маленький рост, короткая толстая шея и толстые руки. Напоминал он борца, хорошо знал и любил спорт, а больше всего — это бокс. Руки с большими мускулами не один раз помогали преодолевать своего противника. Потертый, серенький френч, с заплатками на рукавах, плотно обтягивал широкую и сильную грудь. Он был года на три старше Фрица. В 1931 году отбыл воинскую повинность, а в эту войну уже третий год, как мобилизован. Под Ленинградом был, на Московском фронте, под Воронежом, в Калаче. Оба были из Кельна, несколько лет работали на одном предприятии, второй год служат в одной кампании.

— Сколько времени? — спрашивает Пятиков. Густав вытащил из карманчика часы со светящимся циферблатом, показал. Оставалось десять минут... Казаки быстро одевались, отворачиваясь к глухой кирпичной стене, заряжали винтовки, на пояс цепляли по две русские дистанционные гранаты. Ручной пулемет — хорошая штука! Носить такую тяжесть никто не хотел, одним словом, забыли...

Темнело. К полотну железной дороги подходило пять вооруженных. Справа идет Пятиков, в просвете между путями, придерживаясь дистанции на пять-семь метров, идет Фриц, Кожемякин, Густав. Сзади, слева, опустив голову, делая широкие шаги, идет Арьков. Все предусмотрено, продумано... Даже если и пулемет заговорит, то всех не поранит. Теряясь в ночной темноте, дорога шла на станцию Линово. Справа еще видны очертания сел. Это вот, ближе — Прилутчина, правее Бортовка, а рядом с нею, всего пол километра, станция Ляс. На станции показались фонарь, блеснули огоньки. Где-то в лесу детским голосом заголосила ночная птица. При первом звуке каждый заругался про себя, отплевывая в сторону... Не любят эту птицу русские, боятся... В четырех километрах на восток, не доходя до станции Линово, возвышается помпа, за ней сейчас же небольшой мост, направо и налево — густой лес, кустарники вдоль железнодорожной линии, в сторону — болота, по которым без проводника не пройти. В лесах водились бандиты, именуя себя партизанами. Занимались они грабежом, делая крушения поездов, грабя при этом продовольствие, а вместе с этим и вооружение, снаряжение и обмундирование.

На землю опускались густые сумерки ночи. На фоне темно-синего неба загорались звезды, меркая, они то сильнее загорались, то, казалось, потухали. Однако мгновение, и снова льют они свои лучи на землю... Прямые золотые

нити соединяют их с землей, преодолевая расстояние, побеждая пространство и время. Шли медленно. Сырость, весенней ночи ощущали казаки. Где-то далеко впереди виднелись узкие полоски света. Дорога хорошо известна. Каждый столбик, зарытый камень, маленькие и большие мосты, близко прилегающие кустарники, которые остались не срубленными по той или другой причине — все было известно казакам. Не один раз ходили они, считая шпалы, по этой дороге, делая четырнадцать километров за смену. Так было вчера, сегодня, так будет завтра. Никто не думал про партизан. Казаки шли вперед присматриваясь, прислушиваясь, потихоньку перебрасываясь словечками, заглядывая в душу ночи, улавливая каждый звук, взвешивая его, определяя кому он принадлежит или отчего он происходит. Все дальше они уходили, короче становился их путь. Во исполнение тактических правил и наставлений по службе шли они медленно на определенном расстоянии один от другого, предусматривая пулеметный огонь, соблюдая предосторожность. Тишина. Засыпал лес, кустарники в дремоте ночи, опустившиеся на землю, где-то снова крикнула ночная птица, но этот раз ближе, неведомый зверек пробежал через железнодорожную насыпь. Мелкие камешки на песчаной почве своеобразно ощущаются под ногами, хрустит песок. Кто либо в темноте заденет носком о камень или за слишком выпуклую шпалу, устремится всем туловищем вперед, сделав ускоренных пять-шесть шагов, снова входит в прежнее равновесие... Идет вперед.

Пятикову было весело... Совсем тихо губами шевелит песенку. Слева позади оставалась помпа, подходили к мосту. Вдруг раздался залп в стороне, где шел Пятиков. Из под моста, нарушая спокойствие ночи засвистали пули, громко выговаривали ручные пулеметы; разрезая воздух, отдавалось эхо в лесу. Партизаны открыли перекрестный огонь. Они в два раза превосходили численностью, имели два пулемета, в то время как казаки и немцы не взяли ни одного автомата, ни ручного пулемета. Пятиков как шел, так сразу и упал, растянувшись на земле.

Чувствуя боль в правой лопатке, он стал помаленьку сползать в кувет. Немцы и казаки, шедшие сзади Пятикова, залегли, в свою очередь открыли огонь по бандитам... Пятиков не стрелял, красную ракету немцы не пускали (ракетница была у Фрица). Партизаны потеряли его из виду и огонь перенесен был на левую сторону, откуда отстреливался Фриц, рядом из-за камня стрелял Густав, немного правее залег Кожемякин. Не указывая себя, Арьков отползал на север, чтобы стрелять прямо под мост. С другой стороны то же самое делал Пятиков...

«Надо стрелять... или смерть... не показать, что перевес на стороне банды», — молниеносно прорубили мысли в голове. Не обращая внимания на боль, Пятиков двигается вперед. Становилось темней... С противоположной стороны блеснул огонек, рикошетом ударила пуля о бетон, кто-то застонал... В это время раздалось одновременно два выстрела с противоположных сторон. Пули свистели под мост. Стреляли Арьков и Пятиков...

— Отделение за мной, — надрывая горло, кричал Пятиков, подползая ближе к черному пятну. Под мостом, подстерегая казаков, засела банда... Одна точка пулеметного огня подавлена, стреляли из одного пулемета... Арьков приподнимается во весь рост, одну за другой бросает дистанционные гранаты в сторону моста. С левой стороны раздается взрыв осколочной гранаты. Отчетливо доносится стон, отборная ругань. Пулемет заглох... Смятение... Банда в панике отступает вправо, где лежал Пятиков.

— У-р! За мной! ка-з! — Пятиков стрелял не целясь. В воздухе повисла красная ракета. «Тревога..? зачем..?» —

тер сознание, думает Пятков. Дальше он ничего не по-
т...

— оварищи-и-и! тов..., — послышался дрожащий го-
лос то-то из партизан просит о помощи. Стон, крепкие
ружьиства... Арьков направился через железнодорож-
ную насыпь, где раздались последние слова Пятикова. Вы-
стрел. Патрон заело, затвор не выбрасывал... Согнув-
шись побежал назад. Разыскал в темноте Густава, взял у
него шомпол и выбил патрон... На ходу перезаряжая вин-
товку, устремился вперед, стреляя в сторону, куда уда-
лились партизаны. Исчезли. Тишина... Ничто не наруша-
ло спокойной ночи. Фриц жалел, что сделал тревогу...

Пятаков приподнялся немного, позвал Арькова.

— Жорка, разрежь рукав! Кровью истеку. Заклеить рану
нечем. Обмотали плечо рубахой. Не переставая, сочилась
кровь, смачивая френч, накинутый слегка на плечи. Ста-
новилось Пятакову холодно. Он дрожал, зубы выбивали
мелкую дробь... Тоненькой теплой струйкой кровь стека-
ла в брюки. Становилось светлей. Луна всходила в ту по-
ру поздно. Попрежнему горели на высоком небе звезды,
оставаясь правдивыми свидетелями. Только небо немного
посветлело, не так уж мерцали звезды; в темноте блиста-
ли рельсы, лес становился видней; совсем уж близко поч-
ная птица прокричала. Прошел поезд... Утром Пятикова
отправили в госпиталь.

В. Никонов. (Лит. К.)

Клянусь тебе

На бой, за Родину святую;
За наш прославленный Народ!
Пусть Правда всюду торжествует...
Вперед, казачество, вперед!

Клянусь тебе, Кубань родная,
Тебе — великий мой Народ:
Умру за Правду, призывая —
— На бой священный все вперед!

Тебя, Кубань, я не забуду
И гордый наш казачий род!
Всегда за вас сражаться буду—
Мои станицы, мой Народ!

На бой, за Родину святую;
За наш прославленный Народ!
Пусть Правда всюду торжествует...
Вперед, казачество, вперед!

Вас. Кабанов.

НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

«Scheunentoren» HE 111 сбрасывает бомбы в скопления советских войск